

«В ОКРУГЛОЙ СИНЕВЕ СТИХА»

О книге Н. Лясковской «Сильный ангел»

Пришло время написать о книге Натальи Лясковской «Сильный ангел», изданной в библиотеке «Сибирских огней» в 2014 году. Время это пришло для меня. Почитатели её поэзии и так знают Наталью Лясковскую, а непочитатели всё равно читать моё эссе не будут. Но я её стихи люблю, вот и возникла давно назревавшая необходимость – поделиться впечатлениями о книге, которой я жила два года и теперь знаю почти наизусть.

*Жизнь – одуванчик невесомый
Всевышним бережно несомый
куда-то в тихий рай пешком...
Но ветер – фу! – и сгасшей свечью
былинка тонкая трепещет
с одним единственным пушком.*

В шести строках на первой же странице – содержание всей книги. Взгляд от общего, по большому счёту, без мелочей и частных. Как на планету Земля из космоса.

Всё-таки быс – это необъяснимое чудо...

Казалось бы, с самого детства только о том и говорят и так и этак, что жизнь хрупка: был человек – нет человека. И вдруг одним словом – одуванчик – всё, что ты знаешь о жизни. Это так здорово, так точно, так красиво и глубоко, что хочется сделать что-нибудь безумное. Ну, например, заорать с балкона: «Люди! Я вас люблю!»

Сколько же историй, лиц, картинок, воспоминаний рождает этот образ! Вот карапуз, первые увидевший одуванчик... Это же таинство! Он и зачарован этой прозрачной, пушистой красотой, и одержим стремлением её уничтожить. Кто-нибудь смог вообще дождаться, когда ребёнок сам перестанет дуть на одуванчики? Он и бог, и разрушитель в одном лице. Какое из этих двух начал в нём победит?

И как часто именно одну пушинку невозможно сдуть. Она цепляется, сохраняя образ одуванчика. А нет её – и нет одуванчика, нет жизни...

Эта пушинка необъяснимым образом сплетается у меня с другим образом – ПРАДЕРЕВО.

*Ты, дерево, вышло из чрева лесов
и так среди равнины огромной
стоишь словно стрелки
вселенских часов
сошлись на двенадцати ровно!*

А ведь Земля очень похожа на одуванчик. Зелёный одуванчик, от которого может остаться одно дерево на голом пространстве, как на лысом черепе...

Пока одуванчик ещё цел, пока Господь несёт его, пока ветер судьбы ещё не растрепал его, кажется, что поэзия Натальи Лясковской – это эдем, благоухание, торжество цветения, солнца, запахов, плодов – так часто встречается образ сада. Но это не пейзажная лирика. Я бы назвала это сюрреалистической стихотворной живописью. Зимний день может предстать внутри ледяного куба, солнце – проливающимся из стакана мёдом, а звук – в зрительных образах. Вот так, например: «...а день начинался из уха, похожий на русло речное...» – и далее из звуков рождаются картинки, образующие причудливую композицию дня, в котором реальная окружающая жизнь соединяется с ассоциациями мгновений бескрайнего пространства времени. И здесь хочется мимоходом сказать читателям и критикам, так часто выражающим недовольство по поводу отсутствия знаков препинания в некоторых стихотворениях Натальи Лясковской, что они здесь, в этом пространственно-временном потоке, настолько же неуместны, насколько пропорциональность реальных предметов в картинах Сальвадора Дали.

Явления и предметы в картинах Натальи Лясковской тоже образуют совсем иные, непредсказуемые связи и соотношения. Мы внутренне привыкли сопоставлять явления одного порядка: если слева стена, то справа, например, стол, если слева река, то справа поле, или село, или гора... Как же я завидую всякому, кто впервые прочтёт вот это:

*И, сохраняя непорочный вид,
идёт по саду пресвятая дева:
луна полна, плоды висят на деревьях,
направо – поле спелое, а слева –
беременная
бабочка
летит...*

«Справа» и «слева» здесь как чаши божественных весов, для которых всё равновесно, равноценно, равномало и равновелико. Дева Мария и бабочка равнобеременны...

Книга, словно спираль, воронка, закрученная ветром, а каждое стихотворение – былинка одуванчика, попавшая в круговорот. И стихи, потеряв свой хронологический порядок, подчиняются законам жизненной спирали, перекликаясь на каждом новом витке. На одном развороте могут встретиться раннее и позднее стихотворения: «Чужие» и «Я сама себе Украина...». Но опять это в нашей человеческой логике «Пропили родину, дом продали и сад» – маленькая драма семьи, а разрыв Украины и России – драма мирового масштаба. Но на божественных весах они равноужасны. Слева ребёнок, настолько напуганный происходящим, что его самого нет в стихотворении: ни возраста, ни пола, ни собственных движений, ни местоимения для себя, ни места, откуда он наблюдает... Из машины? Из дома? Из сада? Событие настолько стремительно расширяет пространство сознания ребёнка, что он теряется в нём. Справа, конечно, более масштабная драма, но и герой уже похож на ту единственную былинку одуванчика, которую не так-то просто сдуть. Он ориентируется в происходящем, даёт ему оценку, делает свой выбор и знает, что поможет ему удержаться:

*...припадаю к иконам, как птица:
да укроет родную землю
Божья Матерь
Цветастым Платком...*

Этот пространственно-временной сквозняк всего поэтического мира Натальи Лясковской иногда, как на фотографии, фиксируется вспышкой образа:

*...что-то сдвинулось, видно, во времени:
то бандеровцы ходят, то древние,
кто с копьём, а кто с лазерной пушкой,
кто-то наг, кто-то в шубе с опушкой...*

Повторюсь: эта поэзия, особенно ранняя, похожа на живопись. Но она настолько же богата звуком, как и красками. Фонемы сочетаются так, что ты явственно слышишь море, шуршание гальки или жужжание

пчелы... или вдруг незатейливое детское «тра-ра-ра-та-ра» прорвётся из общей ткани слов:

*и в этом краю украинского лета
мы с братом
дуэтом
росли.*

Прислушайтесь: «там, на полу, болтливые бутылки»... Это вам не стеклотара звенящая. Звуки Б, У, Л, Т мягко переливаются друг в друга и передают предвкушение будущего вина... И далее – «тёмный мир кладовки»: «(для них, уже который год подряд, вокруг ограды зреет виноград), в кошёлках – яблок нежные затылки, литые тушки груш, венки из лука, горшочки, банки...». Кто в детстве крался по кладовкам или чердакам, тот в этих звуках услышит, что кто-то тихо шевелится, какой-нибудь паук-великан – сторож темноты. И так же явственно нахлынут запахи...

Больше всего меня поражает в поэзии Натальи Лясковской вот это богатство и зрительных, и звуковых, и обонятельных, и тактильных ощущений при точном смысловом использовании слова. И не так-то просто научиться воспринимать всё это одновременно. Первое время я то уходила за звуком и, прочитав стихотворение, не понимала, о чём оно, то погружалась в запахи, теряя всё остальное – совсем уж забытое, эротические ощущения, которые можно разбудить чтением, – это заставляло бросить книгу, терзаясь не то завистью, не то вопросом: «Как?! Как так можно писать, если это читается на грани крика, восторга, счастья, отчаянья, боли...».

Но потом я училась – Лясковская меня и научила. Перечитывая снова и снова, от корки до корки, научилась читать всеми органами чувств, во всей их симфонии. А иначе эту книгу жизни не прочтешь! Не постичь, почему и как эта пушинка на одуванчике всё ещё держится. И откуда берутся силы, чтобы пойти на новый виток жизненной спирали, «наталкиваясь на летящих в будущее»...

*И сердце откроется снова – расчищу забытый исток,
И снова на каждое слово накинута волшебный платок,
И жизнь станет вновь не напрасна –*

*взгляни в зазеркалье листа:
Ведь может и боль быть прекрасна,
ведь может и боль быть чиста...*

Марина ЧЕРНОСКУТОВА,
пос. Кузедеево Кемеровской области

150

